

УДК 316.334.2: 316.42

АНАТОЛИЙ АРСЕЕНКО,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

ТАТЬЯНА ПЕТРУШИНА,

доктор социологических наук, заведующая отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины

США и Украина: сценарии деиндустриализации

Аннотация

Статья посвящена исследованию деиндустриализации как процессу сокращения занятости в обрабатывающей промышленности. Этот процесс происходит сегодня не только во многих странах “глобального Севера”, но и в постсоветском пространстве. Ее причины и сценарии различны в разных странах. Деиндустриализация в США стала итогом передислокации обрабатывающей промышленности в страны “третьего мира” и с “переходной экономикой” с целью использования дешевой рабочей силы, в Украине — следствием разрушения единого народнохозяйственного комплекса СССР, проведения радикальных рыночных реформ и стремления новых собственников к получению сиюминутной прибыли любой ценой. Авторами рассмотрены масштабы сокращения промышленного производства в США и Украине и общие для обеих стран социальные последствия деиндустриализации, ведущие к ухудшению социально-экономического положения трудящихся.

Ключевые слова: *фордизм, постфордизм, глобализация, “убегающие” корпорации, деиндустриализация, занятость, безработица, бедность, социально-экономическое неравенство*

Термин “деиндустриализация” (deindustrialization) относительно недавно — на исходе XX века — появился в социологических и толковых словарях английского языка. В современной экономической социологии деиндустриализация рассматривается как одна из характерных особенностей трансформации наиболее развитых в экономическом отношении капита-

листоческих стран. Она получила широкое распространение во многих странах “глобального Севера” на рубеже двух веков и представляет собой сокращение занятости в обрабатывающей промышленности по сравнению с занятостью в других секторах экономики [Alderson, 2011: p. 138]. Тренд в сторону создания новых рабочих мест в сервисном и информационном секторах одновременно с соответствующим уменьшением занятости в первичном, аграрном, и вторичном, индустриальном (обрабатывающем), секторах считается признаком становления постиндустриальной экономики и постиндустриального общества. Возникновение последних еще задолго до Д.Бэлла предсказывали многие западные экономисты, социологи и философы. Сдвиг в структуре занятости от обрабатывающей промышленности к сфере услуг, по их мнению, объективно обусловлен экономическим развитием (и сопровождающим его реальным ростом доходов на душу населения, а также относительным снижением спроса на сельскохозяйственную продукцию по сравнению со спросом на промышленную продукцию с дальнейшим снижением последнего в пользу спроса на услуги), а также более высоким уровнем производительности в промышленной сфере по сравнению с сервисной. В этом контексте деиндустриализация рассматривается ими как естественный процесс в ходе поступательного экономического развития [Alderson, 2011: p. 139].

Для того чтобы адекватно понимать и трактовать смысл деиндустриализации в том или ином обществе, необходимо рассматривать ее в конкретно-историческом, социальном контексте и объективно, четко выявлять ее причины и следствия. Понятийный аппарат исследования феномена деиндустриализации, помимо собственно определения этого процесса, его причин и следствий (прямых и опосредованных), включает также понимание видов, форм проявления и конкретных показателей деиндустриализации. В экономической социологии различают позитивную и негативную деиндустриализацию. *Позитивная деиндустриализация* является “естественным результатом” успешного экономического развития и ассоциируется с растущим уровнем жизни. *Негативная деиндустриализация* — это патологический процесс, такое структурное нарушение экономического равновесия, которое препятствует реализации экономикой потенциала ее роста или полного использования ее ресурсов и ассоциируется со стагнацией реальных доходов и увеличением безработицы [Alderson, 2011: p. 139].

Среди различных причин деиндустриализации исследователи особо выделяют *внешние источники*, обусловленные международной специализацией и разделением труда и глобализационными процессами. В этом контексте значительное внимание обращается на влияние торговли между “глобальным Севером” и “глобальным Югом”, которая носит ассиметричный характер. На изломе двух веков деиндустриализация охватила и многие постсоциалистические страны в результате приватизации общенародного достояния в них в пользу правящих олигархических кланов и стремления новых собственников в максимально сжатые сроки удовлетворить “жажду наживы” за счет демонтажа и распродажи наследия социалистической индустрии. В этом контексте исследование причин и социальных последствий деиндустриализации приобретает актуальное академическое и практическое значение, особенно с точки зрения решения задач реиндустриализации, стоящих перед всеми бывшими социалистическими странами, в том числе и Украиной.

Причины и масштабы “сжатия” промышленного производства в США

XX век вошел в историю США как век индустриализма, который обрел “второе дыхание” в период Второй мировой войны и принял характер промышленного бума в результате осуществления конверсии и расширения фордизма в послевоенные годы. В связи с этим период 1945–1975 годов получил название “славного послевоенного тридцатилетия”, или “золотого века американского капитализма”. Фордизм сыграл важнейшую роль в индустриальном развитии США в этот период. Массовое производство, стандартизация, экстенсивное разделение труда под одной крышей, многоуровневые управленческие пирамиды, четкое разграничение между транзакциями на рынках и внутри компаний [Tabb, 2004: p. 267] — таковы, в интерпретации американского профессора экономики У.Табба, основные элементы фордистской модели, которая определяла индустриализм. Выпуск стандартизированных товаров способствовал подъему экономики и снижению стоимости предметов потребления, что расширило масштабы потребления и производства. Связь роста заработной платы с производительностью труда содействовала улучшению жизни рабочих и росту прибылей корпораций. Наличие сильных профсоюзов в США благоприятствовало достижению этих целей [Dunn, 2009: p. 225–227].

В течение большей части XX века *фордизм* был одной из главных социальных структур накопления. Он отдавал приоритет национальным рынкам, широкомасштабным капиталоемким предприятиям, негибким производственным и бюрократическим структурам. Однако к исходу XX века фордизм вместе с практикой “социального партнерства” в значительной мере исчерпал свои возможности. На смену ему пришел *неофордизм*, который сделал ставку на мультинационализацию рынков материальных, финансовых, человеческих и других ресурсов, компьютеризированные и роботизированные производства, гибкое изготовление специализированных изделий, микропроцессорные технологии. В рамках преобразования мировой экономики с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в мире был учрежден “глобальный сборочный конвейер”, давший “зеленый свет” мобильности капитала и режиму его “гибкого накопления” (см. табл.). Это привело к повышению роли транснациональных корпораций (ТНК), действующих в настоящее время во всем мире и извлекающих колоссальные выгоды из международного разделения труда, но так и не привело к созданию новых социальных структур накопления, адекватных фордизму.

По мнению американского политолога профессора М.Руперта, “фордизм и неолиберальный мировой порядок были тесно связаны между собой”, а расширение идеологий тейлоризма и фордизма стало основой “для консолидации неолиберального, ориентированного на повышение производительности труда консенсуса в ядре мировой экономики после Второй мировой войны” [Rupert, 1995: p. 173]. Несмотря на тот факт, что фордизм обязан своим названием производственным методам, системе оплаты труда и “патернализму” Генри Форда-ст., синонимом фордизма в тот период также был лозунг “Что хорошо для “Дженерал Моторс”, то хорошо для Америки”. С помощью этого императива рабочим в США внушалась мысль о том, что их будущее зависит от величины “экономического пирога”, изго-

товленного совместными усилиями труда и капитала. На этой основе в США были построены теория и практика “социального консенсуса” и “социального партнерства”, сыгравшие значительную роль в превращении фордизма в главную социальную структуру накопления в США. Последняя более или менее успешно действовала в США до насаждения рейганизма и неолиберализма в 1980-е годы.

Таблица

Сравнительная модель фордизма и неофордизма (режим накопления)

Параметры модели	Фордизм	Неофордизм
Режимная логика	Стандартизированная продукция Массовое потребление (количество)	Продукция на заказ Потребление по заказу (качество)
Трудовой процесс	Непрерывный поток (тейлоризм)	Прерываемый поток (гибкая специализация)
Межфирменные отношения	Вертикальная интеграция	Сетевая система

Источник: Gottfried H. Compromising positions: emergent neo-Fordisms and embedded gender contracts // British Journal of Sociology. — June 2000. — P. 238.

Однако фордизм не смог противостоять утверждению американской финансовой олигархией “экономики казино”, в которой деньги начали делать деньги, минуя реальное производство. В результате на смену формуле $D \rightarrow T \rightarrow D'$ пришла формула *Деньги \rightarrow Больше денег \rightarrow Больше денег* ($\$ \rightarrow \$^1 \rightarrow \$^2 \rightarrow \$^3 \rightarrow \n) [McMurtry, 2013: p. 218]. “В стадии упадка капитализм перешел к проведению политики крайнего абсурда, провозгласив способность денег делать деньги из денег” [Ticktin, 2011: p. 19], — отмечает британский профессор Х.Тиктин. “Денежная революция” вскоре привела к финансиализации экономики, подчинению интересов “капитанов индустрии” интересам финансового мира, передислокации американской обрабатывающей промышленности в страны “второго” и “третьего” мира и эскалации процесса деиндустриализации в США.

В погоне за повышением нормы прибыли, существенно снизившейся в 1970-е и 1980-е годы, ТНК США начиная с 1990-х годов с беспрецедентной легкостью приходят на зарубежные рынки и так же легко оставляют их после достижения поставленных целей. В результате “нациям-государствам” становится все труднее проводить независимую экономическую политику, если она противоречит интересам глобального финансового капитала во главе с США. В этом контексте М.-Р.Чоу справедливо пишет: “Гибкость ... влечет за собой глубинную тенденцию к утверждению новой формы градуированных социальных отношений и классовых расколов. Этот парадокс является результатом появления тенденции к усилению неравенства в распределении власти и могущества между высоко- и низкотехнологичными производствами, между большими и малыми фирмами, между рабочими стран центра и периферии, между трансклассовыми и классовыми силами, между силами глобализации и локализации” [Cho, 1997: p. 182]. Эта тенденция на пороге нового века имеет место во всех без исключения странах мира, в том числе на всем “постсоветском пространстве” вообще и в Украине в частности.

На исходе XX века ТНК США приобрели репутацию “убегающих корпораций” в связи с интенсивным экспортом ими рабочих мест в зарубежные страны. В результате на пороге XXI века произошло значительное сокращение доли промышленного производства и рост удельного веса сферы услуг в экономике США. На страницах “Международной энциклопедии экономической социологии” отмечается, что удельный вес занятости в обрабатывающей промышленности США снизился с 26,4% занятой гражданской рабочей силы в 1970-м до 14,7% в 2000 году [Alderson, 2011: p. 138]. Названная тенденция продолжается в XXI веке. По данным Минтруда США, занятость в обрабатывающей промышленности США сократилась с 17,262 млн чел. в 2000-м до 11,524 млн чел. в 2010-м. В то же время занятость в секторе услуг увеличилась с 107,855 млн чел. до 112,730 млн чел., или с 73,8% до 78,8% [United States Department of Labor, s.a.].

Перевод промышленных рабочих мест “убегающими” ТНК в зарубежные страны и “сжатие” индустрии в США получили название “деиндустриализация”, что наряду с сокращением промышленного производства и промышленного пролетариата означало возврат к доиндустриальной форме хозяйствования. Вначале американские авторы видели главные причины деиндустриализации (1) в росте потребительского изобилия и в его тенденции увеличивать спрос на услуги больше, чем на промышленные товары, (2) в опережающем росте производительности в обрабатывающем секторе по сравнению с другими отраслями, (3) в расширении торговых связей между Севером и Югом мировой экономики [Kollmeier, 2009: p. 1644]. Однако на пороге 1990-х годов внимание в исследовании причин деиндустриализации переносится на влияние глобализации на названный процесс, особенно на рост международной торговли и повышение мобильности капитала [Alderson, 2011: p. 138–139]. В настоящее время основной причиной переноса производственных мощностей в страны “третьего” мира и с “переходной” экономикой считают наличие в них дешевой рабочей силы и возможность преумножения корпоративных прибылей. Таким образом, демонтаж обрабатывающей промышленности в США является следствием глобализации, деинвестирования и финансиализации экономики и ведет к передислокации многих промышленных предприятий за рубеж с целью сокращения издержек производства и повышения объемов и темпов накопления капитала.

Немалую роль в закрытии заводов и фабрик в “центре” глобального капитализма играет наводнение бывших индустриальных флагманов капиталистического мира дешевыми товарами из развивающихся и бывших социалистических стран. Сокращение рабочей силы в промышленности Соединенных Штатов частично компенсируется расширением занятости в сфере услуг. Однако эта отрасль экономики не создает такие относительно надежные и высоко оплачиваемые рабочие места, какими обладал ранее промышленный пролетариат в США, и не может предоставить занятость миллионам “лишних” американцев. В результате многие домохозяйства попадают в тиски бедности, а безработные становятся заложниками социальных проблем, созданных “убегающими” ТНК в ранее относительно благополучной стране, ставшей образцом для подражания для многих развивающихся и постсоциалистических государств.

Огромное влияние на формирование и функционирование промышленной политики США в течение последнего столетия оказывает Пентагон.

С одной стороны, военное ведомство США обеспечило эпохальные технологические и инновационные прорывы в области реактивной авиации, компьютерной техники и Интернета, с другой стороны, это способствовало милитаризации индустриального курса страны в ущерб развитию гражданского сектора [Pollin, 2010: р. 58]. Например, инвестиции на развитие традиционной инфраструктуры и экологически чистой энергии в США должны создать 17 рабочих мест в расчете на 1 млн долларов новых затрат, а на военные цели — только 11,6 рабочего места на 1 млн долларов затрат [Pollin, Baker, 2010: р. 23]. По мнению социологов, деиндустриализация является следствием переплетения ряда внутренних и внешних факторов. В США в последние десятилетия XX века она приобрела крайне негативный, а не позитивный постиндустриальный характер. Будучи патологическим феноменом, деиндустриализация привела к стагнации реальных доходов трудящихся и росту безработицы. Сужение промышленного производства также повлекло за собой падение покупательной способности, уровня и качества жизни населения, “сжатие” среднего класса и таким образом способствовало втягиванию американской и мировой экономики в первый в истории человечества глобальный финансово-экономический кризис, социальные последствия которого испытывает мировая цивилизация до сих пор.

Социальные последствия деиндустриализации экономики

Негативные социальные последствия деиндустриализации экономики в США во многом обусловлены тем, что в обрабатывающей промышленности сосредоточена самая образованная, квалифицированная, юнионизированная и высокооплачиваемая наемная рабочая сила. Уровень зарплаты рабочих в обрабатывающей промышленности на 8% выше, чем в других производственных секторах. Это на протяжении многих десятилетий обеспечивало им стандарты жизни, свойственные американскому среднему классу. Поэтому “вымывание” высокооплачиваемых рабочих мест не только в свое время содействовало втягиванию американской экономики в кризис перепроизводства, но и препятствует сегодня выходу из кризиса. В рамках обрабатывающей промышленности, где компаниями выполняется $\frac{2}{3}$ всех внутренних научно-исследовательских работ, в 2010 году было занято 35% всех инженеров и 8,9% всех рабочих в США. Со “сжатием” обрабатывающей промышленности происходит “сжатие” и инженерного корпуса в США, уменьшение доли работников с дипломами университетов и колледжей. Однако, по словам топ-менеджера корпорации “Доу Кемикл”: “Куда движется обрабатывающая индустрия, туда за ней неизбежно следуют и инновации”. Необходимость реиндустриализации экономики США диктуется не только необходимостью сохранения инновационного пути развития, но и необходимостью сокращения торгового дефицита. Решение этой важной задачи невозможно без обрабатывающей промышленности, на долю которой сегодня даже в уменьшенном масштабе приходится около 75% американского экспорта. В дополнение к этому необходимо отметить, что обрабатывающая промышленность является главным источником роста занятости в США, так как создание одного рабочего места в ней ведет к созданию 2,9 рабочего места в связанных с ней отраслях по сравнению с 1,6 рабочего места в организациях оказания услуг в сфере бизнеса и на транспорте [Levinson, 2012: р. 12–13].

На изломе веков жертвами “убегающих” ТНК в США стали миллионы людей и сотни промышленных городов. В качестве примера можно сослаться на опыт одного из бывших процветающих американских промышленных центров — г. Янгстаун (штат Огайо), который за последние 30 лет потерял примерно 50 000 рабочих мест только в сталеплавильной промышленности и связанных с ней иных видах экономической деятельности. Примерно такая же горькая судьба постигла и автомобилестроительную промышленность в Янгстауне. В целом же штат Огайо с 2000 года понес самые крупные потери рабочих мест со времени Великой депрессии 1929–1933 годов и продолжает и дальше закрывать заводы и сокращать рабочих сегодня [Russo, s.a.]. С каждым годом в США становится все больше промышленных городов, обреченных на стагнацию в результате сокращения промышленного производства и истощения городских бюджетов.

Наиболее тяжелая участь в наше время постигла “город-призрак” Детройт. Так, 60 лет назад этот промышленный центр считался “индустриальной столицей Америки”. В послевоенный период в нем были сосредоточены штаб-квартиры и крупные заводы “большой автомобильной тройки” — “Дженерал Моторс”, “Форд”, “Крайслер”, а также связанные с ними другие отрасли промышленности. Стагнация автомобилестроения и иных сфер экономики на исходе XX века привела к тому, что население Детройта сократилось с 1,8 млн чел. в 1950 году до 700 тыс. на пороге нового XXI века. Большинство резидентов Детройта напоминают американский “андеркласс”. Более трети населения живет в бедности. Отягощенный грузом долгов, исчисляющихся многими миллиардами долларов, Детройт долгие годы находился на грани банкротства и стал самым быстро вымирающим городом в США [Lewis, s.a.]. Во многих районах жители 50–60% домов вынуждены покидать свои дома вследствие финансовой несостоятельности и потери права их выкупа. В результате в городе пустует 80 000 домов. Уровень безработицы среди черных, особенно в молодежной среде, превышает 30%, а по данным городских властей приближается к 50%. В городе не осталось ни одной публичной больницы, обслуживающей людей, не имеющих медицинской страховки. Летом 2009 года в Детройте было закрыто 29 школ, летом 2010 года перестали работать еще 32 школы. В городе зафиксирован самый высокий процент (68%) отсева из школ в стране. Уровень неграмотности составляет примерно 50%. Штат Мичиган, в котором расположен Детройт, тратит на тюрьмы больше, чем на высшее образование, и занимает второе место в стране по численности людей за тюремными решетками [Onesto, s.a.]. В итоге 3 декабря 2013 года Федеральный суд США по делам банкротства признал Детройт, суммарный долг которого превысил 18 млрд долл., банкротом [Snell, s.a.]. И городов, подобных Детроиту, в США становится все больше.

Несмотря на то, что в XX веке США были лидером индустриальной революции, в XXI веке Америка быстрыми темпами утверждается в качестве “постиндустриальной” державы в негативном смысле этого слова. Перемещение филиалов крупных корпораций в Китай, Индию и другие, в основном развивающиеся, страны приводит к сужению возможностей и условий занятости американцев [America’s Deindustrialization, s.a.]. Анализируя проблемы деиндустриализации, американский журнал “New Labor Forum” отмечал, что более половины рабочих мест, ликвидированных в США с 2001 года, относились к предприятиям, где ранее действовали правила “профсоюзного цеха”. Деиндустриализация не только аннулирует более вы-

соко оплачиваемые рабочие места членов профсоюзов, но и демонтирует профсоюзное движение, выполняющее функцию социальной защиты трудящихся. Крайне тяжелый удар наносит она по средним и крупным заводам и фабрикам. С 1999-го в США было закрыто более 40 000 предприятий, при этом 90% всех ликвидированных рабочих мест пришлось именно на средние и крупные предприятия [Vaugh, 2006: p. 56]. В связи с этим в журнале “New Labor Forum” отмечалось: “Догма свободного рынка обеспечивает прикрытие правительственной политике, сформированной Уолл-Стрит, а также многонациональными корпорациями и разрушающей американский рабочий средний класс” [Vaugh, 2006: p. 56].

Социальные и экономические изменения, вызванные “экспортом” рабочих мест за рубеж, переживает сегодня не только обрабатывающая индустрия США. По оценкам консалтинговой фирмы “Forrester Research”, в период между 2003 и 2015 годами в США осуществляется новый раунд деиндустриализации. В результате его полной реализации в Старом Свете лишатся работы 542 тыс. компьютерщиков, 259 тыс. менеджеров, 191 тыс. архитекторов, 79 тыс. юристов, 1,6 млн офисных работников, занятых обработкой документов и т.п. операциями. По оценке бывшего вице-председателя Федеральной резервной системы, ныне профессора Принстонского университета Алана Блиндера, не за горами то время, когда от 30 до 40 млн рабочих мест из сектора услуг США неизбежно станут жертвами аутсорсинга. “Отправка электронов является более легкой и дешевой, чем транспортировка физических товаров” [Russo, s.a.], — пишет названный выше автор.

В погоне за максимизацией прибылей за рубежом “капитаны индустрии” и финансовая олигархия пренебрегают судьбами миллионов людей труда в США — и “синих”, и “белых” воротничков. Недавнее исследование Калифорнийского университета свидетельствует о том, что 14 млн “беловоротничковых” рабочих мест в США являются уязвимыми с точки зрения зарубежного аутсорсинга. Речь идет именно о тех местах, которые издавна служили переходным мостиком к реализации “американской мечты” и ранее обеспечивали восходящую социальную мобильность в ряды “среднего класса”. Ныне рабочие в США, замещаемые иностранными трудящимися, вынуждены переходить на низкооплачиваемую работу либо пополнять армию безработных. По свидетельству Минтруда США, более чем один из трех увольняемых в настоящее время американских рабочих останется без работы, будет исключен из рынка и, таким образом, не будет способствовать выходу Соединенных Штатов из кризиса [Roberts, s.a.].

Таким образом, “убегающие” ТНК наносят колоссальный ущерб странам базирования своих штаб-квартир. Давая не так давно свидетельские показания в Конгрессе США, профессор Джон Руссо подчеркнул: “Деиндустриализация разрушает социальную ткань общин и национальных государств. Социальные издержки деиндустриализации включают в себя потерю рабочих мест, домов, медобслуживания; снижение налоговой базы, что в свою очередь ведет к сокращению необходимых общественных услуг, таких как полицейская и противопожарная защита; к упадку неприбыльных и культурных ресурсов; разрушению местных земельных участков; росту преступности, в частности в долгосрочной перспективе; к увеличению самоубийств, злоупотреблению наркотиками и алкоголем, семейному насилию, росту депрессий; утрате веры в такие институты, как правительство, бизнес,

профсоюзы, церковь и традиционные политические организации” [American Decline, 2008: p. 227].

Безработица, бедность и обострение социального кризиса

Среди множества социальных издержек деиндустриализации первое место принадлежит безработице, с каждым годом все больше разрушающей американское общество. Проблемы огромной резервной армии труда в бастиионе капиталистического мира особенно обострились в условиях глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов с маркой “Сделано в США”. Несмотря на оптимистические утверждения Вашингтона о выходе экономики из последней тяжелой рецессии, положение в сфере занятости в США остается сложным и напряженным. Завершение кризиса для корпоративной и финансовой элиты с помощью буржуазного государства, бросившего триллионы долларов налогоплательщиков на предотвращение развала капиталистической экономики, не означает, что кризис закончился для трудовой Америки. “Для подавляющего большинства населения жизнь через пять лет после краха Уолл-Стрит в 2008 году всецело заполнена ежедневной борьбой за выживание, за то, чтобы свести концы с концами” [Damon, The Social Crisis in America, s.a.].

Безработица, которая всегда была спутником капитализма, резко возросла в США в результате деиндустриализации, достигла апогея после втягивания экономики в очередной кризис в 2008 году и на длительный период легла тяжелым бременем на плечи трудящихся. По официальным данным, на протяжении 21 месяца вплоть до января 2011-го безработица в США превышала 9% и незначительно снизилась только потому, что к этому времени тысячи американцев потеряли надежду найти работу и прекратили ее активные поиски. И тем не менее в марте 2011 года безработные и частично безработные в США составили 28,4 млн чел., в том числе официально признанные безработными — 13,5 млн; находящиеся за пределами рабочей силы, но желающие работать — 6,5 млн; работающие неполный рабочий день, но стремящиеся обрести полную занятость — 8,4 млн [U.S. Dept. of Labor, s.a.]. Больше всего пострадали от кризиса молодежь, афроамериканцы и лица с низким уровнем образования. В марте 2011-го около 25% американцев в возрасте от 16 до 19 лет были безработными, уровень безработицы среди черных составлял 15,5% и почти вдвое превышал долю “лишних” людей среди белых (7,9%). Среди лиц с образованием ниже средней школы безработица составила 13,7%, а среди лиц со средним образованием или дипломом колледжа — 4,4% [Magdoff, The Jobs Disaster, s.a.].

Перспективы решения проблемы безработицы в США остаются неопределенными. Согласно докладу Бюро статистики труда, в апреле 2013 года в стране было создано 165 тыс. рабочих мест, что улучшило показатель безработицы, которая снизилась с 7,57% до 7,51%, всего лишь на 0,06%. Для оздоровления рынка труда Америке требуется 8,7 млн новых рабочих мест, а средний прирост рабочих мест в 2013-м составлял 196 тыс. в месяц. Исходя из этого, США понадобится более пяти лет для возвращения к докризисному уровню безработицы. При наличии в США более 7% “лишних” людей неполная занятость рабочей силы, то есть доля занятых неполный рабочий день, составляет 13,9%. Положение на рынке труда осложняется тем, что 37,4% лиц, искавших работу в начале 2013 года, были безработными более

полугода, а большинство из более чем 4 млн безработных, прекративших активные поиски работы, принадлежали к самому трудоспособному возрасту (25–54 года) [Shierholz, s.a.].

Явным признаком неблагоприятных перспектив найма на рынке труда в США в обозримом будущем служит снижение продолжительности средней рабочей недели рабочих частного сектора с 34,6 до 34,4 часов. С учетом сокращения средней рабочей недели федеральных рабочих, ставших недавно заложниками “секвестирования” государственного бюджета, будущее занятости в США не обещает ничего хорошего для миллионов людей, находящихся в рядах резервной армии труда, а также для тех, кто хотел бы сменить временную или частичную занятость на постоянную или полную занятость. Вполне понятно, что массовая безработица в США оказывает понижающее давление на зарплату трудящихся. По расчетам, сделанным на основании динамики оплаты труда в апреле 2013 года, еженедельная зарплата американских рабочих в частном секторе экономики должна была снизиться на 4,8% в годовом исчислении [Shierholz, s.a.].

Несмотря на усиление риторики Белого дома о мифическом восстановлении экономики США после наиболее существенного спада деловой активности со времен Великой депрессии 1929–1933 годов, кризисной ситуации на рынке труда, а следовательно, и обнищанию трудового народа не видно конца. Крайне медленное “рассасывание” безработицы в США сопровождается ростом количества людей, которые претендуют на получение пособия по безработице. Комментируя положение на рынке труда, Институт экономической политики отмечает, что темпы создания рабочих мест в первом квартале 2013 года являлись неадекватными для решения данной проблемы. Чтобы вернуть экономику США к докризисному уровню занятости в течение трех лет, стране необходимо добавлять 320 000 рабочих мест ежемесячно [Damon, Mounting Unemployment in America, s.a.]. Вместо этого власть имущие делают главную ставку на “жесткую экономию” в преодолении кризиса и призывают трудящихся потуже затянуть пояса.

В условиях длительной массовой безработицы американские рабочие постоянно живут в страхе перед угрозой оказаться за проходной. В подтверждение этого вывода можно сослаться на результаты опроса общественного мнения, который проводился 4–7 апреля 2013 года социологической службой Гэллапа. В ходе названного опроса 18% рабочих заявили, что “весьма вероятно” или “довольно вероятно”, что они потеряют свое рабочее место или будут уволены в следующем году. Рабочие, имеющие ежегодный семейный доход менее 50 000 долл., больше опасаются потерять рабочее место или быть уволенными в течение следующих 12 месяцев (27%), чем те, чей семейный доход составляет по крайней мере 50 000 долл. (14%). Более 7 из каждых 10 опрошенных рабочих заявили, что в случае потери работы они смогут прожить не более 4 месяцев, не испытывая значительных финансовых трудностей. 16% сказали, что они могут прожить таким образом до одной недели, 27% — до одного месяца, 28% — до четырех месяцев. Менее трети опрошенных заявили, что они могут прожить до одного года (17%) и более года (11%) без обретения новой работы. Более половины женщин-рабочих считают, что если они потеряют работу, то смогут продержаться, не испытывая значительных финансовых трудностей, не дольше месяца, по сравнению с 35% мужчин-рабочих [Brown, s.a.]. Все это говорит о том, что слухи о “депролетаризации” и “обуржуазивании” американского рабочего класса, выража-

ясь словами Марка Твена, слишком преувеличены, что в условиях падения зарплаты на протяжении нескольких последних десятилетий он с трудом сводит концы с концами и не имеет возможности откладывать деньги на старость и на “черный день”.

Хотя “сжатие” индустрии в США компенсируется расширением занятости в сфере услуг, она не создает высокооплачиваемых рабочих мест и не может предоставить занятость миллионам “лишних” людей. Это влечет за собой падение зарплаты и расширение резервной армии труда. Поскольку обрабатывающая промышленность США исторически была источником относительно высокооплачиваемых рабочих мест для рабочих без диплома об окончании колледжа, потеря рабочих мест в этом секторе экономики оказывает понижающее давление на зарплату, в первую очередь, менее образованных рабочих [Baker, 2012: p. 377].

С 2000 года средний уровень оплаты труда в США снизился на 9% [Hutchinson, s.a.]. Почасовые заработки 40% американцев находятся сейчас ниже почасовой минимальной зарплаты в США в 1968-м. Если бы минимальная зарплата росла в США такими же темпами, как производительность труда, начиная с 1968 года, то она составляла бы теперь 16,54, а не 7,25 долл. в час. Минимальная зарплата в конце 1960-х годов равнялась 9,22 долл. в час (в долларах 2012 года), то есть была почти на два доллара выше ее нынешнего уровня в 7,25 долл. в час [40% Of Americans, s.a.]. Отказ капитала от повышения зарплаты в соответствии с ростом производительности труда в США свидетельствует об усилении эксплуатации американских трудящихся.

Социально-экономическое положение американских рабочих продолжает ухудшаться, несмотря на мнимый переход страны к восстановлению. Средняя почасовая оплата труда увеличилась в США всего на 1,8% в течение прошедшего года. В то же время потребительские цены выросли на 2%, что означает падение реальной зарплаты людей труда. Средние семейные доходы снизились на 5,6% с 2009 года — с 56 000 долл. до 51 404 долл. в начале 2013-го. Большинство создаваемых сейчас рабочих мест — это более низкооплачиваемые рабочие места по сравнению с теми, что были ликвидированы в ходе кризиса. “Продолжение массовой безработицы и падения заработной платы, с одной стороны, и систематическое уничтожение правительственных рабочих мест и резкое сокращение пособий по безработице, с другой стороны, ни в коем случае не являются случайными. Будучи далека от ответа на сложившуюся ситуацию с помощью любых мер, администрация Обамы, чтобы преодолеть безработицу, проводит политику, которая устранит сотни тысяч рабочих мест, драматично ухудшая условия жизни рабочих и безработных” [Damon, Mounting Unemployment in America, s.a.], — отмечает Анри Дамон.

Сделав ставку на тотальное внедрение неолиберализма во все сферы общественной жизни и экономической практики, правящие круги США развернули массированное наступление на жизненный уровень рабочего класса с целью нового перераспределения национального богатства в свою пользу. В результате “социального реванша” буржуазии после разрушения СССР экономическое неравенство в США возвратилось к временам, предшествующим Великой депрессии, и вскоре может достичь еще больших масштабов. Беспрецедентная комбинация массовой безработицы, падающей зарплаты и притока свободных денег привела к буму корпоративных прибылей, которые находятся на рекордном уровне в течение последних трех лет подряд. В третьем квартале 2012 года корпоративные прибыли составили 14,2%. Это самый

высокий уровень удовлетворения “жажды наживы” капиталом США с 1950 года, в то время как доля национального дохода, который достался рабочим, находилась на самом низком уровне за почти пять десятилетий [Damon, US Unemployment, s.a.]. Зарплата и жалование трудящихся, занятых производительным и ненадзорным трудом в частном секторе экономики США, действительно снижаются почти полвека и уменьшились с 30% ВВП в середине 1960-х годов до 20% в 2011 году [Magdoff, 2013]. В этом контексте говорить о “свободе от нужды”, за которую ратовал для миллионов простых американцев президент США Франклин Д.Рузвельт в своем послании конгрессу в 1941 году, не приходится.

Перераспределение национального дохода в пользу власть имущих привело к колоссальному расширению пропасти между имущими и неимущими в США. Сегодня 400 самых богатых американцев владеют большим объемом активов, чем 150 млн самых бедных из них. Самые бедные 15% американцев (примерно 46 млн чел.) живут в семьях с доходом менее 22 050 долл. в год, то есть ниже черты бедности [Blyth, s.a.]. “Свобода от нужды” в США имеет ярко выраженное “цветное” лицо. На каждые 100 долл., которые имеет белая семья, черная семья имеет 2 долл. На каждые 100 долл., которые имеет в своем распоряжении одинокая белая женщина, одинокая черная или латиноамериканская женщина имеет 25 центов [Bucheit, s.a.].

Таким образом, “постиндустриальная” и “новая информационная” экономики, якобы идущие на смену “индустриальному обществу”, не оправдали возлагавшихся на них надежд и являются, по признанию многих западных экономистов и социологов, новым вином в старых мехах. В этом контексте британский социолог М.Видал справедливо отмечает: “Фордистский режим накопления обеспечивал уникальный институциональный контекст, предоставивший возможность создать экстраординарную комбинацию высоких прибылей, растущей реальной зарплаты и устойчивого роста ВВП. В противовес этому постфордистский режим в своей основе является дисфункциональным, характеризуется очевидной тенденцией к стагнации и агрессивными регрессивными трендами в отношении труда и отношений занятости” [Vidal, 2013: p. 451]. По его мнению, постфордизм обеспечивает структурный контекст, в рамках которого деюнионизация и экстернализация занятости ведут к поляризации рабочих мест, к делению их на “хорошие” и “плохие” касательно зарплаты и других условий труда.

К “плохим” рабочим местам относятся разные виды “атипичной” занятости, получившие широкое распространение в США. Многие рабочие места рассчитаны на неполный рабочий день, являются ненадежными, с более низкими зарплатами. Распространение нестандартных форм занятости (временная занятость, занятость неполный рабочий день и др.) понижает зарплату постоянно занятых работников, усиливает конкуренцию в борьбе за рабочие места, сужает членскую базу профсоюзов и подрывает их силу в коллективно-договорном процессе. Некоторое расширение занятости в автомобилестроительной промышленности в результате ее поддержки государством сопровождается наймом на работу молодых рабочих, которым платят в два раза меньшую зарплату, чем получали за тот же труд их предшественники до глобального кризиса. Переход к постфордизму положил начало новому производственному порядку в США, обусловленному глобализацией, новой научно-технологической революцией, деиндустриализацией и “новой экономикой”. “В настоящее время национальные экономи-

ки претерпевают существенные изменения; и рабочие места, и рабочие пересекают границы; “хорошие рабочие места”, которые часто ассоциируются с новыми технологиями и требуют новых технических навыков, все больше становятся дефицитными и нестандартными; от рабочих требуют брать на себя риски; а государство уходит от предоставления социальных услуг... Вместе взятые, эти изменения основательно изменяют жизни (и судьбы наций) во всем мире” [DeVault, 2008: p. 3].

Поэтому утверждения социологической пропаганды США, предназначенные для внутреннего потребления и на экспорт, о наличии якобы “равных” возможностей в Соединенных Штатах для всех их граждан не имеют ничего общего с действительностью. В связи с этим бывший помощник министра финансов США, американский профессор Пол Робертс пишет: “Образно говоря, социальные лифты Америки сегодня возят людей совсем не туда, куда они изначально рассчитывали попасть” [Робертс, s.a.]. Вполне понятно, что в условиях современного системного кризиса капитализма, поразившего все сферы жизнедеятельности в США, политический механизм диктатуры монополий не сможет в обозримом будущем направить социальные лифты Америки в благоприятном для людей труда направлении. В этом контексте совершенно очевидно, что выводы кормчих американского капитала о трансформации “индустриального” общества в США в “постиндустриальное” являются мистификацией и выдают желаемое за действительное, и это должно стать уроком для всех стран, склонных копировать американский опыт, в том числе и для Украины.

Причины деиндустриализации экономики Украины

Изменения в структуре экономики Украины¹ лишь формально свидетельствуют о ее приближении к структуре экономически развитых западных стран и становлении зачатков постиндустриальной экономики. В действительности в Украине после 1991 года произошли инволюционные изменения, примитивизация хозяйственной жизни и негативная деиндустриализация. Как правильно подчеркивает один из немногих отечественных исследователей деиндустриализации в Украине, А.Задоя, “чрезвычайно быстрый рост непроизводственной сферы (сферы услуг) фактически происходит в ущерб реальному сектору народного хозяйства, не только не при-

¹ По данным Госкомстата Украины, в 2000 году на сферу услуг среди всех отраслей экономики приходилось 27,1% занятого населения, на сельское хозяйство, охоту, лесное и рыбное хозяйство — 20,5% занятых, на отрасли промышленности — 26,2%, в частности на горнодобывающую промышленность — 4,2%, на обрабатывающую — 18,8%, на энерго-, газо- и водоснабжение — 3,2%. Для сравнения, занятое население в странах ЕС было распределено по отраслям экономики следующим образом: сфера услуг — 53,7%, сельское хозяйство — 3,4%, промышленность — 17,0% (0,3%; 16,1%; 0,6%) [Статистичний щорічник, 2002: с. 577]. По данным ЦРУ США, структура занятости в Украине в 2012 году была следующей: сельское хозяйство — 5,6%, промышленность — 26,0%, услуги — 68,4%. Для сравнения, структура занятости в Австрии (2012): сельское хозяйство — 5,5%, промышленность — 26,0%, услуги — 68,5%, в Германии (2011): сельское хозяйство — 1,6%, промышленность — 24,6%, услуги — 73,8%, в России (2011): сельское хозяйство — 7,9%, промышленность — 27,4%, услуги — 64,7%, в Венгрии (2011): сельское хозяйство — 7,1%, промышленность — 29,7%, услуги — 63,2%, в Китае (2011): сельское хозяйство — 34,8%, промышленность — 29,5%, услуги — 35,7% [Central Intelligence Agency, s.a.].

ближая общество к постиндустриальному, а наоборот, отбрасывая его на доиндустриальную стадию” [Задоя, 2012: с. 28]. Сокращение промышленного производства, уменьшение роли и удельного веса обрабатывающей промышленности в экономике Украины лишь по смыслу и социальным последствиям аналогичны процессам деиндустриализации в западных странах, но принципиально отличаются по причинам, их породившим.

В экономически развитых странах процессы деиндустриализации были вызваны прежде всего стремлением ТНК к максимизации прибылей за счет использования дешевой рабочей силы в развивающихся и “постсоциалистических” странах, защитой экологии своих стран и объективно начавшимся переходом к “постиндустриальной” экономике. Причины деиндустриализации украинской экономики были совсем иными: разрушение межреспубликанских экономических связей Украины в рамках единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, проведение радикальных рыночных реформ в соответствии с императивными неолиберальными предписаниями МВФ и “Вашингтонского консенсуса”, стремление новоявленных “эффективных” собственников к получению прибыли максимально легким способом “сегодня и сейчас”, как правило, в ущерб общенациональным интересам.

Ради объективности необходимо отметить, что деиндустриализация в Украине началась еще в советское время, о чем свидетельствует сокращение в 1980-е годы количества созданных образцов новых типов машин, оборудования и аппаратов, увеличение степени износа основных фондов и другие негативные тенденции последнего советского десятилетия [Задоя, 2012: с. 26]. Следует подчеркнуть, что начавшиеся в те годы процессы разрушительной деиндустриализации (тесно переплетавшиеся с продолжавшимися внутри самой промышленности тенденциями индустриализации [Задоя, 2012: с. 27]) были следствием и составной частью нараставших еще с 1960-х годов трудностей и проблем в советской экономике. Речь идет о неспособности недостаточно образованного в своем большинстве руководства страны и неспособности экономической науки в СССР в последние годы правления “геронтократии” противодействовать снижению темпов экономического роста, усилению диспропорций в политике зарплаты и цен, сохранению затратной системы управления экономикой, порождавшей дефицит товаров и услуг и, как следствие, неудовлетворенность людей.

Вместо поиска разрешения этих проблем “верхи” бывшего Советского Союза под маской перестройки “государственного” социализма в “демократический” осуществили демонтаж социалистической системы хозяйствования, увидев в либерализации экономики возможность быстрого обогащения и легитимации своего господствующего положения. В результате, как писал академик НАН Украины А. Чухно, “под лозунгом рыночных реформ произошло массовое ограбление народа. И более того — вследствие этих реформ была создана система производственных отношений и механизм функционирования экономики, которые не обеспечивают ее подъем, выход Украины в число передовых, развитых стран, а наоборот, превращают ее из относительно индустриально развитой страны в отсталую, да еще и с экономикой сырьевой направленности. Вместо повышения эффективности экономики произошло ее резкое падение, вместо экономического роста — неслыханный спад производства, вместо научно-технического развития — разрушение высокотехнологичного производства, быстрый износ и моральное старение основных фондов, большая утрата первоклассных специалис-

тов и ученых, а в результате появились “лежащие” предприятия и необрабатываемые поля” [Чухно, 2007: с. 65].

Разрушение большинства производственно-технологических связей и сокращение спроса на промышленную продукцию из-за разрыва связей с бывшими советскими республиками вызвали остановку многих предприятий. В том же направлении работал и маховик приватизации, вначале (в 1995–1998 годах) “псевдоаучерной”, а с 1999-го и по сегодняшний день — денежной, ставшей неотъемлемой частью экономической жизни страны и источником пополнения доходов бюджета. Формально ставились задачи поиска инвесторов, модернизации производства, а фактически на фоне все усиливающегося отчуждения общества от государства и власти шел циничный захват эксгосударственной собственности и экономических ресурсов Украины. Приватизационный беспредел привел к тому, что 80% реального экономического потенциала Украины оказалось в руках 20 “семей-кланов”, а для подавляющего большинства населения остались остальные 20% [Білоус, 2000: s.a.]. Система кланово-олигархического капитализма стала жестким социальным барьером, сдерживающим развитие украинской экономики.

Динамика деиндустриализации экономики Украины в период реформ

Девяностые годы стали десятилетием разрушительной редукции экономики. С 1990 по 1996 год включительно макроэкономические показатели находились в процессе непрерывного падения. В 1996 году реальный объем ВВП по сравнению с 1990 годом сократился более чем наполовину (49,0%). При этом темпы падения постоянно росли, достигнув своего пика в 1994 году (23%). С 1995 года началось постепенное замедление темпов падения, а в 2000 году впервые за весь период реформ был зафиксирован небольшой рост реального ВВП. При этом экономический спад в Украине был сильнее, чем в странах СНГ в целом (аналогично и наибольшим (на 15,2% [Статистичний щорічник, 2010: с. 549]) было падение ВВП во время глобального финансово-экономического кризиса).

Следует отметить, что по основным показателям украинская экономика после 2000 года, за исключением периода первого глобального кризиса, демонстрировала определенный рост: среднегодовые темпы роста ВВП в 2000–2007 годах составили 7,4%, объем производства промышленной продукции рос в среднем на 10,0% в год [Статистичний щорічник, 2010: с. 549, 553]. Однако по основным показателям развития народного хозяйства Украина не только не превысила дореформенный уровень, но даже не достигла его. А начавшееся после глобального кризиса оживление экономики быстро сменилось стагнацией и новыми сокращениями производства в 2012–2013 годах.

По данным парламентских слушаний “Украина-ВТО: преимущества и вызовы для национальной экономики” (22 мая 2013 года), общее падение производства в 2012-м составило 1,8%. При этом добывающая промышленность упала на 3,7%, производство машин и оборудования — на 10,0%, производство электрического, электронного и оптического оборудования — на 11,6%, электродвигателей и генераторов — на 60,9%, трансформаторов — на 11,5%, готовых металлических изделий — на 5,2%, кокса и продуктов нефтепереработки — на 26,4%. Объемы производства в легкой промышленности

сократились на 40–45%. Производство автомобилей в Украине снизилось в 6 раз, и из 36 тыс. человек, занятых в этой отрасли, осталась половина [Шелкова, s.a.]. Как сообщил УНИАН, по данным ассоциации “Укравтопром”, производство автомобилей в Украине в первом полугодии 2013 года сократилось на 54,2% — до 18,24 тыс. единиц. Крупнейший украинский производитель легковых автомобилей “Запорожский автомобилестроительный завод” (“ЗАЗ”) в 2012-м сократил производство автомобилей на 30%, а в первом полугодии 2013-го — на 52,1% по сравнению с аналогичным периодом 2012 года (с 20,1 тыс. легковых автомобилей до 9,6 тыс.) [“ЗАЗ”, s.a.].

В целом по данным Госкомстата Украины, за период 1990–2011 годов отчетливо прослеживается негативная тенденция резкого сокращения в структуре валовой добавленной стоимости доли обрабатывающей промышленности (примерно в два раза), сельскохозяйственного производства (приблизительно в 2,5 раза) и строительства (почти в два раза) при одновременном росте удельного веса добывающей промышленности и многократном росте удельного веса торговли, финансовой и прочих видов экономической деятельности [Соціально-економічний розвиток, s.a.]. ВВП Украины в первом квартале 2013 года снизился по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года на 1,1%, во втором — на 1,3%. В январе-сентябре 2013-го во всех отраслях обрабатывающей промышленности, за исключением производства из древесины и бумаги, полиграфической деятельности и фармацевтического производства происходило снижение объемов производства (общий объем промышленной продукции уменьшился на 5,2%). Наибольшее снижение произошло в машиностроении, производстве химической продукции, кокса и продуктов нефтепереработки: индексы промышленной продукции в этих видах деятельности, рассчитанные к соответствующему периоду времени 2012 года, составили, соответственно, 86,4, 80,4 и 86,1 [Соціально-економічний розвиток, s.a.].

Помимо прямого уменьшения объемов промышленного производства существуют и другие формы проявления деиндустриализации. Так, А.Задоя к основным формам проявления этого процесса, кроме резкого сокращения удельного веса промышленности в создании ВВП относит также увеличение удельного веса сырьевых отраслей за счет уменьшения роли перерабатывающих, увеличение в экспорте удельного веса сырьевых продуктов и уменьшение доли перерабатывающих отраслей, особенно машиностроения. Несмотря на отсутствие возможности абсолютно корректных сравнений данных из-за менявшихся методик расчета макроэкономических показателей, налицо тенденция существенного снижения удельного веса машиностроения во всех расчетных показателях. В целом удельный вес машиностроения в отечественной экономике снизился с 1990-го по 2010 год примерно в 4 раза. Если в 1989-м удельный вес черной металлургии в вывозимой продукции составлял 16,8%, а машиностроения — 37,8% (то есть большая часть произведенного металла перерабатывалась и выходила за пределы Украины в виде продукции машиностроения), то сейчас в структуре экспорта они поменялись местами: металлургия составляет 33%, машиностроение — менее 18% [Задоя, 2012: с. 28–31].

Масштабы деиндустриализации украинской экономики на основании весьма скудных данных государственной статистики выглядят следующим образом. Среднегодовая численность наемных работников в промышлен-

ности снизилась с 7,8 млн в 1990 году до 3,0 млн в 2011 году, то есть в 2,6 раза. Для сравнения: численность наемных работников во всех отраслях экономики сократилась с 24,7 млн до 12,1 млн, или в два раза [Статистичний щорічник, 2012: с. 353]. Наиболее сильно в 1990-е годы пострадали отрасли машиностроения и металлообработки: численность промышленно-производственного персонала в машиностроении сократилась за 1990–2000 годы в 2,8 раза, в приборостроении — в 4,1 раза, в автомобильной промышленности — в 2,3 раза, в тракторном и сельскохозяйственном машиностроении — в 2,7 раза. Численность персонала в легкой и микробиологической промышленности уменьшилась, соответственно, в 3,4 и 2,7 раза [Статистичний щорічник, 2001: с. 365, 366]. В 2000 году продукция машиностроения составляла всего 35% от уровня 1990 года, автомобильной промышленности — 30%, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения — 14% [Статистичний щорічник, 2001: с. 113]. Следует особо подчеркнуть, что сокращение наукоемких отраслей промышленности происходило на фоне общей технологической отсталости украинского производства, 95% продукции которого относится к третьему и четвертому технологическим укладам.

Намного сложнее отследить динамику количества самих промышленных предприятий (эти данные просто отсутствуют). В 1995 году промышленных предприятий (объединений), которые находились на самостоятельном балансе (без малых предприятий и кооперативов, то есть только средних и крупных), в Украине насчитывалось 8 900 [Статистичний щорічник, 1996: с. 154–155]. Несмотря на произошедшее сокращение промышленного производства, по данным Госкомстата, в Украине на конец 2000 года функционировало 10 502 промышленных предприятия (без малых) [Статистичний щорічник, 2001: с. 100–101]. Однако после изменения методики учета и введения в статистическую терминологию в 2001 году категории “промышленные предприятия–юридические лица” прямое сопоставление стало невозможным. Вместо одного среднего или крупного предприятия, функционировавшего в прошлом, нередко появлялось несколько новых “юридических лиц” (вследствие дробления промышленных гигантов на куски с целью перепродажи, перепрофилирования, сбыта на “металлолом” и пр.). Более того, количество этих предприятий — юридических лиц год от года росло, с 47 348 в 2001-м до 54 925 в 2007 году (за последующие годы подобные сведения отсутствуют).

Данные о распределении предприятий по размерам позволяют рассчитать количество средних и крупных промышленных предприятий. В 2007 году их насчитывалось 7 415, в том числе 824 крупных. Независимо от выбора базы расчёта, налицо тенденция сокращения количества крупных и средних промышленных предприятий (на 17% к указанному в 1995 году числу предприятий; на 29% — к заявленному их количеству в 2000 году). И хотя малые предприятия составляют 86,8% всех предприятий в промышленности, именно средние и крупные предприятия определяют промышленный потенциал страны. Не случайно на них занято, соответственно, 25,1% и 63,5% наемных работников промышленности [Статистичний щорічник, 2012: с. 310, 312]. К анализу динамики количества предприятий следует добавить их качественные характеристики: низкую рентабельность деятельности предприятий (она упала с 16,8% в 1990-м до 4,8% в 2011-м), большую долю убыточных предприятий (их удельный вес вырос с 2% в 1990-м до 38% в 2011-м) [Статистичний щорічник, 2002: с. 114; Статистичний щорічник, 2012: с. 106], высо-

кую степень износа основных средств (по всем видам экономической деятельности она достигла в 2010 году 74,9%, в том числе в обрабатывающей промышленности — 66,8%) [Статистичний щорічник, 2012: с. 93].

Социальные последствия деиндустриализации экономики Украины

Закономерным следствием деиндустриализации стали рост безработицы, появление новых форм занятости (самозанятость, занятость неполное рабочее время), трудовая миграция. Уровень безработицы, рассчитанный как доля безработных к трудоспособному населению трудоспособного возраста¹, вырос за период интенсивного сжатия экономики (1992–1998) в 14,3 раза, с 0,3% до 4,3% [Статистичний щорічник, 2002: с. 573]. Пик безработицы, рассчитанной в процентах к экономически активному населению, пришелся на переломный 2000 год (11,6%), после которого чередовались периоды некоторого подъема и спада. В 2011 году безработица в Украине составила 7,9%, что сопоставимо с уровнем безработицы в других странах (для сравнения, в России официально уровень безработицы составил 6,6%, в США — 8,9%) и ощутимо ниже, чем в странах высокого социального напряжения (Испания — 21,7%, Греция — 17,7%, Латвия, Литва — по 15,4%) [Статистичний щорічник, 2012: с. 537, 538]. Численность безработных в Украине, зарегистрированных в службах занятости, выросла в 1990-е годы в 17 раз и составила в 2000-м 1,2 млн чел. (в 1992-м было зарегистрировано 70,5 тыс. чел.). Всего безработных, по данным Госкомстата, в 2000 году было 2,7 млн чел., 40,2% из которых были уволены в связи с реорганизацией, ликвидацией, конверсией производства или сокращением штатов [Статистичний щорічник, 2001: с. 543, 351].

По данным социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины с 1992 года ($N = 1800$), 16% населения в 2012 году находились в поиске оплачиваемой работы и были вынужденно безработными. Более того, 23% украинцев на протяжении трех лет, предшествовавших опросу, что примерно совпадает по времени с действием последствий финансово-экономического кризиса, утратили работу на период шести месяцев и более и считали себя безработными. При этом 84% опрошенных заявили, что найти работу по квалификации и с достойной оплатой в их населенном пункте трудно, 58% считали, что трудно найти любую работу. Не случайно каждый пятый украинский гражданин хотел бы выехать за пределы своего населенного пункта.

Привычными стали практики вынужденной неполной занятости. В 1995 году 23,3% от общей численности рабочих и служащих, занятых во всех отраслях экономики, находились в отпусках без сохранения (или с частичным сохранением) зарплаты или работали в режиме неполного рабочего дня (недели). Больше всего эти практики были распространены в отраслях промышленности (43,8%). Работники промышленности составляли 62,1% от всех находившихся в отпуске без сохранения зарплаты и 78,3% от работавших в режиме неполного рабочего дня [Статистичний щорічник, 1996: с. 88]. И хотя в 2011-м численность промышленных работников, находив-

¹ Думается, что эта методика расчета более точна и гуманна по сравнению с оценкой безработицы в процентах к экономически активному населению.

шихся в условиях вынужденной неполной занятости, сократилась по сравнению с 1995-м в 4,4 раза, именно они составляли почти половину от всех работников, находившихся в условиях вынужденной неполной занятости (48,6% от находившихся в отпусках без сохранения зарплаты и 49,1% от переведенных по экономическим причинам на неполный рабочий день). Помимо количественного уменьшения принципиально изменилось соотношение между этими видами неполной занятости. В 1995 году 31,3% промышленных работников находились в отпусках без сохранения зарплаты, а 12,5% работали неполный рабочий день. В 2011-м 3,3% от среднесписочной численности штатных работников промышленности находились в вынужденных отпусках, а 15,9% работали неполный рабочий день [Статистичний щорічник, 1996: с. 88; Праця України, 2012: с. 97, 100].

Поскольку сокращение занятости в отраслях промышленности, как правило, касалось высокооплачиваемых мест, это существенно сказывалось на доходах населения и усиливало социально-экономическое неравенство. Реальные доходы населения в 1999 году составили 28% от уровня 1991 года. В 2000 году две трети работников в Украине имели зарплаты по уровню ниже прожиточного минимума [Социально-экономическое развитие, 2012: с. 148]. К сожалению, официальные статистические данные о реальных доходах населения (с учетом их ограниченности, а нередко и несопоставимости) не позволяют четко отслеживать их динамику и распределение по разным социальным группам. По данным ООН, которые использует ЦРУ, в 2010 году ниже черты бедности в Украине находилось 24,1% населения, а индекс Джини в 2009-м составил 28,2. Для сравнения: в России ниже черты бедности в 2011 году жили 12,7% населения, а индекс Джини составил 41,7; в США ниже черты бедности в 2010-м жили 15,1% населения, а индекс Джини в 2007-м равнялся 45,0 [Central Intelligence Agency, s.a.]. Более реалистично ситуацию материального положения украинских граждан отражают данные многолетнего социологического мониторинга, согласно которому в семьях почти половины опрошенных среднедушевые доходы не превышают прожиточный минимум, в семьях почти трети украинских граждан они хотя и выше прожиточного минимума, но меньше его двойного размера. Реальный уровень социально-экономического неравенства иллюстрирует сопоставление официально приведенных данных: столичные миллионеры (1413 чел.), по данным пресс-службы Миндоходов Украины, получили в 2012 году в среднем по 4,3 млн дохода, а средняя зарплата в Киеве в декабре 2012-го составила 5 368 грн (по Украине — 3 377 грн) [В Киеве пересчитали толстосумов, s.a.; Средняя зарплата по Украине, s.a.].

Бедность и вынужденная незанятость выталкивали 20–25% трудоспособного населения (5–6 млн чел. в год) на работу за пределы Украины [По оценкам экспертов, s.a.]. И хотя заработки гастарбайтеров пополняют бюджеты их семей в Украине (трудовые мигранты в конце нулевых годов переводили суммы, эквивалентные 3–4% ВВП [Социально-экономическое развитие, 2012: с. 156]), думается, что негативных социальных последствий такого способа выживания больше, чем позитивных. Помимо физического уменьшения трудового потенциала страны, происходила, как правило, деградация рабочей силы и ухудшение социального здоровья и качества жизни в семьях трудовых мигрантов (за счет расширения неполных семей, социального сиротства, алкоголизма и прочих социальных патологий). По данным социологического мониторинга, на временные заработки за рубеж

готовы сегодня уехать 5–6% украинских граждан. При этом более сильные миграционные установки демонстрируют те, кто три раза и более выезжал на временные заработки. Согласно украинско-польским социологическим исследованиям, более 60% нелегальных украинских мигрантов, работающих за границей, не хотят возвращаться на родину. Еще опасней для национальной безопасности страны иная тенденция — более 80% студентов Украины нацелены на работу за границей [Более 80% выпускников, s.a.].

Одним из наиболее тяжелых и далеко идущих последствий деиндустриализации Украины стала невостребованность ее значительного научного потенциала и в результате — интенсивная “утечка мозговых сливок” за рубеж. По данным Президиума НАН Украины, в 1994–2001 годах из ее научных учреждений выехало в зарубежные страны 3838 научных работников, в том числе 842 доктора и 2358 кандидатов наук [Пономаренко, 2008: с. 13]. Численность ученых-исследователей в Украине за период 1990–2011 годов сократилась в 3,7 раза [Статистичний щорічник, 2012: с. 320].

В этом контексте украинский исследователь “утечки мозгов” за рубеж Н.Жолобак справедливо отмечает: “Прискорбно сознавать, что Украина, создавшая в составе СССР первый спутник Земли, запустившая человека в космос, сейчас находится на уровне третьих стран по научному производству. Практически все современные финансовые потоки, в том числе и из госбюджета, направлены не на создание своей технологической базы, что только и может обеспечить научный рост, а на эксплуатацию, донашивание уже существующей, которая не может обеспечить ничего другого, как только получение научного “сырья” — первичных данных, предпосылок, гипотез” [Жолобак, 2008: с. 4]. При сохранении такого отношения власти к науке и продолжении уничтожения остатков весьма тонкой интеллектуальной прослойки Украина утратит способность не только к новым открытиям и изобретениям, но и к передаче накопленных знаний молодым поколениям страны и будет вытеснена на обочину периферийного капиталистического развития.

Помимо перечисленных социальных последствий деиндустриализации украинской экономики — роста безработицы и неполной занятости, сокращения возможностей получения достойной работы, “утечки рабочих рук и мозгов”, декалфикации работников, уменьшения доходов работающих и усиления социально-экономического неравенства — следует особо выделить также изменение социальной структуры украинского общества и, как верно подчеркивал А.Задоя, изменение ценностных и поведенческих установок людей [Задоя, 2012: с. 31].

Изменение условий жизни объективно вызывает постепенное изменение ценностей, в том числе ценностей труда, престижа профессий. Раньше на формирование уважительного отношения к труду рабочего человека целенаправленно “работали” экономические и социальные стимулы (более высокая зарплата в промышленности, преимущества в распределении нематериальных благ, при поступлении в вузы), идеологические институты (хорошо всем известный лозунг “Его величество рабочий класс”). Сегодня в условиях монетаризации сознания главной поведенческой ценностью и критерием успешности в жизни становятся деньги. В обществе, претерпевшем ценностные деформации, сдвиг от истинных человеческих ценностей к монетарным именно деньги определяют место человека в социальной иерархии, его личные возможности и общественное признание. По данным всеукраинского репрезентативного опроса 2013 года ($N = 1800$), почти поло-

вина украинских граждан (45%) считают богатство, деньги самым главным критерием успеха человека в нашей стране (для сравнения: 41% таковым считают успешную карьеру, по 36–37% — хорошую семью и крепкое здоровье, 21% — наличие престижных вещей, 12% — хорошее образование и т.д.).

В результате культа наживы в процессе трансформации “административно-командной экономики” в рыночную практически разрушены ценности трудовой и технологической дисциплины, качества создаваемой продукции [Задоя, 2012: с. 33]. Сравнение трудовых мотивов граждан разных стран в рамках Европейского социального исследования выявило, что получение большей зарплаты является основной причиной трудовых усилий людей на их рабочем месте только в Украине и в России (так ответили, соответственно, 26% и 32% опрошенных). Это лишь подтверждает схожесть наших социально-экономических ситуаций и проблем, главной из которых для большинства граждан остается проблема выживания, которая в первую очередь объясняет фиксируемый сдвиг в сторону прагматизма по сравнению с социальной мотивацией трудовой деятельности. Для населения большинства европейских стран главным в мотивации трудовых усилий является либо сохранение работы, либо получение удовлетворения от выполняемой работы. Ценность качества труда в украинском обществе низкая: стремление всегда выполнять свою работу наилучшим образом как мотив трудовых усилий отметили всего 14% украинских граждан.

Заметно снизился престиж профессии рабочего. Не случайно, по данным опроса старшеклассников г. Киева, проведенного Институтом социологии НАН Украины (2011, $N = 1013$), только 0,3% выпускников выбирают в будущем рабочие профессии (0,6% планируют работать в сельском хозяйстве, 1,7% — в сфере обслуживания). Большинство предпочитают науки (естественные — 25%, общественно-политические — 16%, гуманитарные — 14%), бизнес, менеджмент (11%). Творческие профессии привлекают 10%, инженерное дело — всего 7% выпускников. Согласно результатам массового социологического опроса рабочего класса, впервые проведенного в Украине после ее капитализации и развала СССР (2013, $N = 1800$), большинство ответивших рабочих (69%) заявили, что они не хотели бы, чтобы их дети, внуки продолжили рабочую династию (хотели бы такого продолжения 14% ответивших; ответили 1344 человека, или 75% опрошенных).

Изменения в социальной структуре под влиянием деиндустриализации связаны, естественно, с сокращением численности рабочего класса. Она, согласно статистическим данным, сократилась в Украине за время ее независимости более чем вдвое. Официальная статистика даже отказалась от использования термина “рабочий класс” и оперирует такими категориями, как “наемные работники”, “работодатели”, “самозанятые” и др. Хотя, по данным мониторинга 2013 года, наибольшую по численности социальную группу по признаку форм занятости составляют именно рабочие (26%, в том числе 17% — квалифицированные рабочие и 9% — разнорабочие). Исследование рабочего класса, проведенное отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины совместно с центром “SOCIS”, призвано выявить реальное положение рабочего класса в системе социально-экономических отношений современного украинского общества. В качестве примера приведем всего несколько цифр, характеризующих положение рабочих в контексте анализируемой проблемы деиндустриализации.

На вопрос, изменилось ли в целом положение рабочих (зарплата и другие условия труда) на предприятии, где они работают, по сравнению с советским временем, половина ответивших (49%) сказали, что положение рабочих ухудшилось (ответили 1204 человека, или 67% опрошенных); 11% рабочих считают, что оно улучшилось; 14% — что не изменилось; 26% ответивших не смогли определиться с ответом. Пятая часть опрошенных рабочих получает зарплату неофициально, в том числе 12% — всю неофициально, 7% — часть официально, часть — “в конверте”. Наиболее важным на работе для рабочих является гарантия занятости (56%), на втором месте по значимости находятся хорошие взаимоотношения с товарищами по работе (40%), на третьем — высокий заработок и интересное содержание работы (по 30%). Вынужденно безработным в результате увольнений или сокращения кадров был каждый четвертый рабочий (24%), при этом в ситуации вынужденной безработицы он находился более года (в среднем 14 месяцев). Более чем каждый второй рабочий опасается, что в ближайшем будущем его премии и социальный пакет будут урезаны (53%), зарплата уменьшена (65%), а сам он будет уволен или переведен на неполный рабочий день (59% и 57% соответственно). Материальное положение рабочих подтверждает постсоветский феномен “работающих бедных”. Средний размер месячной зарплаты, после вычета всех налогов, почти у половины рабочих (48%) не превышает 2294 грн — двух прожиточных минимумов (или двух минимальных зарплат), треть рабочих получают до трех минимальных зарплат (33%), 11% — до четырех прожиточных минимумов. Доход только 5% рабочих позволяет покрывать все необходимые расходы и даже делать сбережения. Для подавляющего большинства имеющих доходы обеспечивают только необходимое ежедневное потребление. Более того, 36% рабочих указали, что им не хватает полноценного качественного питания, 26% — необходимой одежды, 42% — возможности оплачивать необходимые медикаменты и медицинскую помощь, 37% — нормальных жилищных условий, 43% — необходимых условий для развития и образования детей.

В целом двадцатилетие рыночных реформ в Украине обернулось огромными экономическими и социальными потерями. И хотя темпы деиндустриализации к концу этого двадцатилетия замедлились, сам процесс не завершился. Политическая и экономическая напряженность в Украине усиливается неопределенностью и непредсказуемостью внешних интеграционных процессов в контексте выбора главного направления сотрудничества. Однако при всей важности и многоплановой роли интеграционного выбора Украины в международных экономических отношениях главным фактором остается внутренняя политика государства по обеспечению реального экономического и социального развития, не декларация необходимости модернизации и инновационного развития экономики, а реальное обеспечение этого курса на основе научно обоснованной промышленной и технологической политики. Это требует твердой политической воли и реальной заинтересованности власти в реиндустриализации украинской экономики и реализации стратегии инновационного развития.

Итак, социальная и экономическая цена деиндустриализации Украины — это сокращение занятости и деквалификация рабочей силы, разрушение производственных мощностей и инфраструктуры индустриальных центров, созданной в привязке к потребностям функционирования промышленных предприятий. Это количественное и качественное уменьшение

промышленного и научного потенциала, без восстановления которых как базы последующей неоиндустриализации невозможно реализовать стратегию инновационного развития экономики Украины. Еще более тяжелыми последствиями являются социальные издержки деиндустриализации — ухудшение социального и физического здоровья населения, снижение уровня и качества жизни, рост социального неравенства. Поэтому в условиях сжатия не только экономики, но и времени, отведенного на поиск единственно верного пути вывода страны из критически сложной социально-экономической ситуации (перед небезосновательной угрозой новой волны глобального кризиса), конкретные исследования многоплановых социальных аспектов процессов деиндустриализации должны постоянно быть в поле зрения и в центре научного анализа экономсоциологов.

Источники

Білорус О. Прийде судний день на кримінальних олігархів / О. Білорус, М. Павловський // *Голос України*. — 2000. — № 18.

Более 80% выпускников вузов хотят работать за границей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://finance.bigmir.net/career/13477-Bolee-80-vypusnikov-vuzov-hotjat-rabotat-za-granicej>. (s.a.)

В Киеве пересчитали толстосумов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.metro.com.ua/gazeta/metro_new.pdf. (s.a.)

Жолобак Н. Интеграция в мировое научное сообщество или “выкачка мозгов” / Н. Жолобак // *Пропаганда : научно-популярный молодежный журнал*. — 2008. — № 1 (3). — С. 4–5.

Задоя А.А. Деиндустриализация в Украине: “Двадцать лет спустя” / А.А. Задоя // *Академічний огляд*. — 2012. — № 1 (36). — С. 26–35.

“АЗ” за полгода сократил производство легковых авто на 52% [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://economics.unian.net/rus/news/172469-zaz-za-polgoda-sokrtil-proizvodstvo-legkovyih-avto-na-52.html>. (s.a.)

По оценкам экспертов, за рубежом работает 5–6 миллионов украинцев [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://demoscope.ru/weekly/2011/0477/gazeta025.php>. (s.a.)

Пономаренко В. Трудовая эмиграция и развитие науки в Украине / В. Пономаренко // *Пропаганда : научно-популярный молодежный журнал*. — 2008. — № 1 (3). — С. 12–14.

Праця України 2011 : стат. зб. — К. : ТОВ “Август Трейд”, 2012.

Робертс П.К. Упадок американского среднего класса. Почему Америка не выходит из экономического кризиса? [Электронный ресурс] / Пол Крейг Робертс. — Режим доступа : <http://www.terra-america.ru/upadok-americanskogo-srednego-klassa.aspx>. (s.a.)

Соціально-економічний розвиток України за січень–вересень 2013 р. [Электронный ресурс] / Державна служба статистики України. — Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua/>. (s.a.)

Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия. — М. : ИЭ РАН, 2012. — 400 с.

Средняя зарплата по Украине [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://index.minfin.com.ua/index/average/?2012>. (s.a.)

Статистичний щорічник України за 1995 рік. — К. : Техніка, 1996. — 576 с.

Статистичний щорічник України за 2000 рік. — К. : Техніка, 2001. — 598 с.

Статистичний щорічник України за 2001 рік. — К. : ТОВ “Август Трейд”, 2002. — 644 с.

Статистичний щорічник України за 2009 рік. — К. : ЗАТ “ВІПОЛ”, 2010. — 566 с.

Статистичний щорічник України за 2011 рік. — К. : ТОВ “Август Трейд”, 2012. — 560 с.

Чухно А. Хозяйственный механизм и пути его совершенствования на современном этапе / А. Чухно // Экономика Украины. — 2007. — № 3. — С. 60–67.

Шелкова О. Украина-ВТО: Все хорошо, прекрасная маркиза. Не надо плакать / О. Шелкова [Электронный ресурс] — Режим доступа : <http://polemika.com.ua/article-118428.html>. (s.a.).

40% Of Americans Now Make Less Than 1968 Minimum Wage: News of the Day [Electronic resource]. — Modes of access : <http://democrats.edworkforce.house.gov/blog/40-americans-now-make-less-1968-minimum-wage-news-day>. (s.a.).

Alderson A.S. Deindustrialization / Arthur S. Alderson // International Encyclopedia of Economic Sociology / eds. J. Beckert, M. Zafirovski. — L. ; N. Y. : Routledge, 2011. — P. 138–140.

American Decline or Renewal? Hearing before the Subcommittee on Investigation and Oversight Committee on Science and Technology. One Hundred Tenth Congress : Second Session, May 22, 2008 and June 24, 2008 ; Serial No. 110–105 and Serial No. 110–111. Printed for the use of the Committee on Science and Technology. — Washington : GPO, 2008. — 448 p.

America's Deindustrialization [Electronic resource]. — 2013. — January 29. — Mode of access : <http://www.mediafreedominternational.org/2013/01/29/americas-deindustrialization/>. (s.a.).

Baker D. Getting Radical with Markets / Dean Baker // Review of Radical Political Economy. — 2012. — Summer. — P. 374–379.

Baugh B. Manufacturing Discontent: Is Deindustrialization Inevitable? / Bob Baugh, Joel Yudken // New Labor Forum. — 2006. — Summer. — P. 55–64.

Blyth M. The Austerity Delusion: Why a Bad Idea Won Over the West [Electronic resource] / Mark Blyth // Foreign Affairs. — 2013. — May/June. — Mode of access : <http://www.foreignaffairs.com/articles/139105/mark-blyth/the-austerity-delusion>.

Brown A. More U.S. Workers Still Predicting Job Loss Than Pre-2008 [Electronic resource] / Alyssa Brown. — 2013. — May 2. — Mode of access : <http://www.gallup.com/poll/162176/workers-predicting-job-loss-pre-2008.aspx>. (s.a.).

Bucheit P. 4 Freedoms in America That Don't Exist Anymore [Electronic Resource] / Paul Bucheit. — Mode of access : <http://www.alternet.org/news-amp-politics/4-freedoms-america-dont-exist-anymore>. (s.a.).

Central Intelligence Agency. The World Factbook [Electronic Resource]. — Mode of access : <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/up.html#top>. (s.a.).

Cho M.-R. Flexibilization Through Metropolis: The Case of Postfordist Seoul, Korea / Myung-Rae Cho // International Journal of Urban and Regional Research. — 1997. — Vol. 21, No. 2. — P. 180–201.

Damon A. Mounting Unemployment in America, Hundreds of Thousands Drop out of the Workforce [Electronic resource] / Andre Damon. — 2013. — 6 April. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/mounting-unemployment-in-america-hundreds-of-thousands-drop-out-of-the-workforce/5330086>. (s.a.)

Damon A. The Social Crisis in America. The Myth of an Accelerated Economic Recovery [Electronic resource] / Andre Damon. — 2013. — 4 May. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/the-social-crisis-in-america-the-myth-of-an-accelerated-economic-recovery/5333896>. (s.a.)

Damon A. US Unemployment Figures are a Camouflage. Boom in Corporate Profits, Collapsing Wage [Electronic resource] / Andre Damon. — 2013. — 9 March. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/us-unemployment-figures-are-a-camouflage-boom-in-corporate-profits-collapsing-wages/5325850>. (s.a.).

DeVault M.L. Introduction / Marjorie L. DeVault // People at Work: Life, Power, and Social Inclusion in the New Economy / ed. Marjorie L. DeVault. — N. Y. : New York University Press, 2008. — P. 1–22.

Dunn B. Global Political Economy: A Marxist Critique / Bill Dunn. — L. : Pluto Press, 2009. — IX, 370 p.

Hutchinson M. The United States as Haven of Economic Inefficiency [Electronic resource] / Martin Hutchinson. — 2013. — 18 July. — Modes of access : <http://www.theglobalist.com/storyid.aspx?StoryId=10074>. (s.a.)

Kollmeyer C. Explaining Deindustrialization: How Affluence, Productivity Growth, and Globalization Diminish Manufacturing Employment / Christopher Kollmeyer // *American Journal of Sociology*. — May 2009. — P. 1644–1674.

Levinson M. Manufacturing the Future: Why Reindustrialization Is the Road to Recovery / Mark Levinson // *New Labor Forum*. — 2012. — Fall. — P. 10–15.

Magdoff F. The Jobs Disaster in the United States [Electronic resource] / Fred Magdoff // *Monthly Review*. — 2011. — June. — Mode of access : <http://monthlyreview.org/2011/06/01/the-jobs-disaster-in-the-united-states>. (s.a.)

Magdoff A. Worse than the Great Depression: Mass Unemployment, 100 Million Americans Live in Poverty [Electronic resource] / Fred Magdoff, John Bellamy Foster. — 2013. — 3 April. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/worse-than-the-great-depression-mass-unemployment-100-million-americans-live-in-poverty/5329593>.

McMurtry J. The Cancer Stage of Capitalism: From Crisis to Cure / John McMurtry. — 2nd ed. — L. : Pluto Press : Halifax & Winnipeg : Fernwood Publishing, 2013. — XIII, 378 p.

Onesto L. “Dying Detroit”: The Impacts of Globalization. Social Decay and Destruction of an Entire Urban Area [Electronic resource] / Li Onesto. — 2010. — 23 June. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/dying-detroit-the-impacts-of-globalization-social-decay-and-destruction-of-an-entire-urban-area/19856>. (s.a.)

Pollin R. Economic Prospect: Industrial Policy and the Revival of U.S. Manufacturing / Robert Pollin // *New Labor Forum*. — 2010. — Winter. — P. 58–61.

Pollin R. Reindustrializing America: A Proposal for Reviving U.S. Manufacturing and Creating Millions of Good Jobs / Robert Pollin, Dean Baker // *New Labor Forum*. — 2010. — Spring. — P. 17–34.

Roberts P.C. The Offshore Outsourcing of American Jobs: A Greater Threat Than Terrorism [Electronic resource] / Dr. Paul Craig Roberts. — 2013. — 17 February. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/the-offshore-outsourcing-of-american-jobs-a-greater-threat-than-terrorism/18725?print=1>. (s.a.)

Rupert M. Producing Hegemony: The Politics of Mass Production and American Global Power / M. Rupert. — Cambridge [u.a.] : Cambridge University Press, 1995. — XIV, 261 p.

Russo J. The Social Costs of Deindustrialization [Electronic resource] / John Russo, Sherry Lee Linkon. — Mode of access : <http://cwcs.ysu.edu/resources/CWCS-publications/social-costs-of-deindustrialization/>. (s.a.)

Shierholz H. At a time of persistent economic weakness, today's jobs report represents an ongoing disaster [Electronic resource] / Heidi Shierholz. — 2013. — 3 May. — Mode of access : <http://www.epi.org/publication/time-persistent-economic-weakness-todays/>. (s.a.)

Snell R. Detroit's Chap. 9 moves ahead [Electronic resource] / Robert Snell, Chad Livenood. — Modes of access : <http://www.detroitnews.com/article/20131203/METRO01/312030049#ixzz2moVBbDa9>. (s.a.)

Tabb W.K. Economic Governance in the Age of Globalization / William K. Tabb. — N.Y. : Columbia University Press, 2004. — VI, 520 p.

Ticktin H. The Crisis and the Capitalist System Today / Hillel Ticktin // *Marxism and the Global Financial Crisis* / ed. H. Ticktin. — L. ; N.Y. : Routledge, 2011. — P. 1–20.

United States Department of Labor. Employment by major industry sector [Electronic resource]. — Modes of access : http://www.bls.gov/emp/ep_table_201.htm. (s.a.)

U.S. Dept. of Labor, Bureau Economic Research // *The Employment Situation* — March 2011. — Tables A-1 and A-8, seasonally adjusted. (s.a.)

Vidal M. Postfordism as disfunctional accumulation regime: a comparative analysis of the USA, the UK and Germany / Matt Vidal // *Work, employment and society*. — 2013. — Vol. 27, No. 3. — P. 451–471.